

СМ: Что меня удивляет, так это не то, что есть люди, которым не нравится моя книга — потому что это кажется правда очевидным и естественным — а то, что есть люди, которым она нравится. И я действительно считаю, что по мере того, как серии продолжались, история начала становиться более конкретный, и возможности сокращались. Когда ты что-то определяешь, все «могло бы быть» умирают, когда ты решаешь что-то. Так что я не удивлена, что у людей возникают проблемы с его завершением, потому что со временем история становилась всё более конкретной для меня. У каждой книги есть своя аудитория. Иногда это аудитория из одной особы, иногда из двадцати. И у каждой книги есть кто-то, кто её любит, и есть люди, которые её не любят. У каждой из этих книг в книжном магазине есть причина быть там — какую-то особу, которую она затронет. Но ты не можешь ожидать, что она затронет всех.

ШХ: Нет.СМ: И ты не можете сказать: «Что ж, что-то не так, если эта книга не воспринимается так же, как для каждого кто её читал». Книга не должна иметь смысла для некоторых людей, потому что мы все разные. И слава богу. Как было бы скучно, если бы мы все чувствовали одно и то же, к каждой книге?

ШХ: Я, правда, верю, что, как писатели, мы делаем пятьдесят процентов работы — а затем читатель проделывает остальные пятьдесят процентов работы — повествования историй. Мы все привносим в книгу опыт и понимание. Когда ты начала писать Сумерки, у тебя была одна книга и одна история. Есть ещё бесконечное количество возможностей того, как может развиваться события этой истории. Так что, если у тебя есть, может, десять миллионов поклонников Сумерек, к тому времени, когда ты доберешься до Новолуния, ты сужаешь круг того, что может произойти, потому что эти персонажи делают выбор, и, возможно, у тебя есть семь миллионов возможностей. К тому времени, когда ты доберешься до Затмения, у тебя останется, скажем, три миллиона человек, которые будут счастливы этой историей. После Ломая Рассвета...СМ: Есть только двадцать человек, которые будут счастливы. [Смеется] Я считаю, это странным ожиданием, что, даже если история будет рассказана действительно хорошо, всё, следовательно, должны будут оценить её по достоинству. Люди привносят на стол так много своих собственных ожиданий, что история не может по-настоящему удовлетворить каждого.

ШХ: Но для тебя это всё ещё тяжело? У тебя по-прежнему есть желание угодить всем?СМ: Конечно. Я хотела бы сделать людей счастливыми. Приятно слышать, что твоя книга сделала чей-то день ярче. Удивительно думать, что ты делаешь нечто хорошее, с вещью, которая в первую очередь приносит радость тебе. Это не то, почему я это делаю, но это большая польза. Это приятно. Тяжело, когда людям, которые очень хотели, чтобы им понравилось, не нравится. Это печалит меня, потому что я знаю, что и для них была история, но это просто не та, которую я могла бы написать. Я считаю, что иногда для людей, которые так вкладываются, это потому, что они сами рассказчики. И, возможно, им нужно пересечь эту черту — перейти на темную сторону... присоединится к нам! — и начать создавать свои собственные истории.

ШХ: Однако, это невозможная ситуация. Потому что тут ты создала этих персонажей в Сумерках, а затем читатели создают свои собственные версии этих персонажей. Затем, ты продолжаешь писать ещё одну книгу, и то, что сделали твои персонажи... не обязательно то, что бы сделали их персонажи. Возможно, с их точки зрения, ты манипулируешь их персонажами, заставляя их делать то, чего они бы не сделали, хотя, конечно, это не так.СМ:

Это забавно.... Я имею в виду, это сложно, потому что я очень тонкокожая. Я ни к чему не отношусь легкомысленно. Когда я читаю критику, я сразу принимаю её близко к сердцу и говорю: «О боже мой — может, мне нужно было сделать так! О, я вправду сделала здесь неправильно». Я сомневаюсь в себе очень легко. Я не подвергаю сомнению персонажей, и именно поэтому я могу сохранить свой голос, когда пишу — потому что для меня это единственные железобетонные факты. Не важно, какие у меня сомнения — они те, кто они есть. И это хорошо.

ШХ: Так и есть. И, несмотря на всю критику, поклонников намного больше, чем людей, которые сердятся по поводу книг, но ты всё равно слышишь негатив гораздо громче.СМ: О, всегда громче. Ты знаешь, это напоминает мне фильм Красотка. Всякий раз, когда его показывают по телевизору, по какой-то причине я не могу переключить канал. [ШХ смеется] И есть одна часть, где она говорит: Проще поверить в плохое, знаешь ли.

ШХ: Аха.

СМ: Это одна из вещей, которую я считаю постоянной борьбой: сделать негативные голоса не такими громкими, как — или, по крайней мере, равными — позитивным голосам. Я знаю многих людей, которые чувствуют то же самое. Легко сомневаться в себе. Может, ответ здесь — не нужно писать историю с продолжением. Я думаю над этим. Ты знаешь, написать одиночный выпуск — только одну содержательную историю, которую мне сделать в тяжёлые времена. Догадываюсь, мне просто придётся закончить её, убив персонажей, потому что тогда всё будет кончено, верно? [Смеется] Но если ты убьёшь своих персонажей — даже второстепенных — ты всё равно будешь рыдать из-за всего, кем они были и могли бы стать.

ШХ: В книге, которую я сейчас пишу, есть смерть — серьёзная смерть. И каждый раз, когда я переписываю, когда я приближаюсь к этой сцене, и знаю, что мне придётся столкнуться с ней снова, мой желудок просто сжимается, и меня тошнит от страха. И пока я прохожу эту сцену, я всё время рыдаю. Это непросто....СМ: Нет, когда ты заранее знаешь предварительно, что тебе предстоит через это пройти, это даёт тебе некоторую паузу. И тогда ты также должна знать, что это совсем другая история, чем та, которую ожидают люди. Это также проблема с сиквелами.

ШХ: Больше всего писем я получаю от поклонников об одной книге под названием Академия принцесс, а больше всего я получаю от поклонников просьбу о продолжении этой книги. А потом они рассказывают мне, что там может, происходит в дальнейшем, представляешь? [СМ смеется] И именно поэтому я знаю, что не должна писать продолжение.СМ: Верно.

ШХ: Потому что они уже рассказали свою собственную историю. И это то, чего я хочу, в любом случае... потому что я не связывала всё полностью. Я лишь дала им представление о том, что может произойти дальше, в будущем.